

Шарманщик и буратинка

Марина Ясинская

Работа «случайного встречного» всегда меня привлекала. В моих глазах она была окружена заманчивым ореолом загадочности, мистики и тайны, и я мечтал о ней, сколько себя помню. Именно потому мое заявление о том, что я намереваюсь податься в «случайные встречи», не стало для отца неожиданностью. Однако мой выбор он все равно не одобрил.

— Молод ты еще для такой работы, — покачал он головой. — Ни людей не знаешь, ни в жизни ничего толком не повидал. А хорошему «случайному встречному» знаешь, какой опыт нужен?

— Прекрасно, вот на работе его и наберусь, — отмахнулся я. И еще подумал про себя, что до сих пор не видел на доставке ни одного взрослого, только своих сверстников, так что молодость этой работе явно не помеха.

— А может, на завод?

— Нет, — упрямо заявил я. Перспектива всю жизнь простоять в цеху у станка, отливающего чувства, меня не вдохновляла. Не вдохновляла настолько, что я даже ни разу не побывал на заводе, где целыми днями пропадал отец. — Я буду «случайным встречным» — и точка.

Мое упорство отца не переубедило — он остался при своем мнении. Правда, больше меня не отговаривал. Он-то ведь знал, что некоторые истины человек просто не может принять из уст другого, поскольку должен прийти к ним сам.

Вот я и пошел к своей.

На протяжении жизни человек видит сотни, тысячи незнакомцев. Они проходят мимо него в толпе, они стоят рядом в переполненном трамвае, проносятся в машинах по встречной полосе или провожают взглядом из безликих окон высотных домов. Самый распространенный контакт с ними — мимолетный взгляд. Иногда — короткий жест или слабая улыбка. Еще реже — обмен парой слов. И уж совсем редко — задушевный, искренний разговор, который случается только тогда, когда человек точно знает, что больше ни разу не увидит своего нечаянного собеседника.

Люди чаще всего не понимают, какую важную роль в их жизни играют такие мимолетные столкновения, и свято уверены в случайности этих коротких встреч...

Поначалу, как я и ожидал, мне поручали самые простые доставки. Каждый день в назначенный час я подходил к бревенчатой пристройке, прислонившейся к теплому каменному боку завода, где работал отец. Пристройка больше смахивала на сказочную избушку, чем на склад, а за-

вод походил на суровый старинный замок с узкими окнами-бойницами, а не на промышленный объект.

На складе я получал пакеты, знакомился с инструкциями и послушно отправлялся по указанным маршрутам.

Получатель пакета «Решимость» спускался в метро на эскалаторе. Его взгляд на миг задержался на щуплом молодом человеке, едущем на соседнем эскалаторе.

Я ловлю взгляд адресата, удерживаю, фиксируюсь на глазах. Сосредоточиваюсь. Передаю. Передаю. Передаю... Ну вот и все. Сегодня получатель, зайдя в кабинет самодура-начальника, впервые постоит за себя...

Адресат пакета «Облегчение» шел в хмурой толпе, деловито топчущей зебру людного перекрестка. Коренастый мужичок с дубленным лицом и вьёвшейся под ногти машинной смазкой задел его локтем и взвился:

— Смотри, куда прешь!

В ответ пострадавший с чувством процедил сквозь зубы что-то нелицеприятное.

Готово! — удовлетворенно киваю я. Получатель растратил на меня существенную часть накопившегося стресса и теперь не сорвет злость дома, на семье...

Получательница «Укора», модная дама с холеными руками, покосилась на сухонькую богомолку, часто осеняющую себя мелким крестом у иконостаса. Пересеклась с ней взглядом — и вздрогнула.

Не переставая часто креститься, я улыбнулся про себя. Я уже видел, как дама, вернувшись домой, станет долговязо терзать мобильный телефон, потом, сдавшись, достанет старую записную книжку и позвонит в деревеньку, соединенную с миром всего двумя проводами — телефонным и электрическим. Там по-прежнему живет ее мама...

Работа не отличалась разнообразием, но это меня не разочаровывало. Я старательно исполнял те простые задания, которые мне поручали, и мечтал, что когда-нибудь, когда наберусь опыта, мне доверят серьезные доставки сложных наборов чувств и я примкну к тем счастливицам, которые работают «попутчиками в поезде», «давними знакомыми» и «курортными романами».

У меня появились постоянные клиенты. Седой ветеран, живший в стильной квартире на нижнем этаже панельной многоэтажки, был первым. Он коротал пустые утренние часы у окна, облокотившись на широкий подоконник и подолгу глядя во двор. Он знал, что в один и тот же час из-за угла дома выходит невысокий мужчина средних лет в мятой кепке, с лохматой белой болонкой на поводке, и очень ждал его появления. Видимо, в незамысловатой рутине посторонней жизни ветеран находил что-то успока-

ивающее. Что именно? Как я ни старался, ответа найти не мог. Только крепче сжимал поводок и не спеша шел по одному и тому же маршруту, утро за утром доставляя ему пакет «Умиротворение».

Осознавая важность своей работы, я все-таки не до конца понимал трогательной привязанности одинокого ветерана к ежеутренней картине. И в полной мере смог это оценить в одно веселое весеннее утро, когда, после пропущенной накануне из-за простуды доставки, не увидел его у окна.

Соседки, сбившись в кружок у подъезда, все повторяли: «Памятник, памятник-то какой заказали? Из мраморной крошки?.. Ах, мраморный!.. Да, неплохо его детишки пристроились...» А я растерянно стоял посреди зеленеющего двора, бесцельно вертя пакет «Умиротворения» и все гадал: а если бы я не пропустил вечернюю доставку?..

Число моих постоянных клиентов постепенно увеличивалось, увеличивалась и сложность доставок. Пару раз мне уже доверили «Попутчика в поезде», а однажды — даже «Курортный роман», и счастьем моему не было предела. Но, как это обычно происходит в жизни, новизна впечатлений стирается. И то, что некогда безмерно радовало, со временем тускнеет и начинает отдавать пресным привкусом скуки и привычки.

Я по-прежнему прилежно занимался доставкой, но если раньше все мои мысли были сосредоточены только на адресатах, то теперь я отвлекался. Неся под мышкой несколько посылок с «Радостью», «Облегчением», «Напоминанием» и «Надеждой», я видел вокруг себя десятки, сотни людей, которым эти пакеты не были предназначены, но эти люди нуждались в них никак не меньше, чем мои получатели. И я задавался извечным вопросом: почему? Почему именно этот мужчина за рулем машины, застрявшей в длинной пробке, получит «Ободрение», в то время как усталой молодой мамочке, в одиночку поднимающей ребенка, «Ободрения» не достанется? Почему выбирают именно этого человека? Почему не другого? Разве соображения элементарной справедливости совсем не играют роли в принятии решений?

А если... (и я похолодел от крамольной мысли), если ни о каком решении нет и речи? Вдруг все решается волей случая? Простой лотереей, в которой выигрывает не тот, кто заслужил, и не тот, кому нужнее, а тот, кто удачливее.

Отец, разумеется, заметил, как на смену моему восторженному восхищению пришло сомнение. Но он ничего не говорил. Ждал, пока я сам задам вопрос. Но когда я наконец спросил «почему?», он не ответил. Только улыбнулся так раздражавшей меня порой, свойственной всем родителям всезнающей улыбкой. И сказал:

— Я же говорил тебе, что работать «случайным встречным» вовсе не так легко, как тебе казалось. Вот теперь ты начинаешь понемногу понимать, в чем трудность.

— И что же дальше?

— Дальше? — повторил отец и задумчиво прищурился, глядя куда-то мимо меня. — А дальше ты либо справишься, либо нет.

— Ты хочешь сказать, я должен сам найти ответы?

— Ну да.

Я разозлился не на шутку.

— Какая бесполезная трата времени! Зачем заставлять заново искать ответы, которые уже и так есть?.. Скажи, они ведь есть, да?

— Есть, — после паузы, показавшейся мне ужасающе длинной, ответил отец.

— Так почему бы мне просто не сказать?

— Потому что одного ответа нет — у каждого он свой.

И я искал свой ответ, но... Либо я искал не там, где следовало, либо искал не то, что надо.

И тем не менее. Неся в руках посылки с «Надеждами» и «Облегчениями», адресованные вполне конкретным людям, я по-прежнему видел на своем пути немало тех, кому эти посылки были нужны ничуть не меньше, а, быть может, даже больше, чем адресатам, и у меня в голове все четче оформлялся план.

Когда я впервые отдал пакет не тому, кому он предназначен, меня едва не сожгло чувство вины. Но правду говорят: самое сложное — сделать что-то в первый раз. Во второй — уже гораздо проще.

Помню, в руках у меня была посылка «Внимание», и предназначалась она хрупкому старичку, мирно доживающему свой век в крошечной квартирке вместе со своей старушкой.

Как я рассуждал тогда? Я подумал: ну, посмотрит старик на свою старушку с полученным от нас вниманием, ну, поцелует в лобик, ну, возьмет за руку, прогуливаясь по скверу. А потом помрет через пару недель. И толку?

Зато в соседнем подъезде жил парнишка с будущим великого математика и чах от безответной любви к однокласснице с модной стрижкой под популярную певичку. Одноклассница же, следуя классическим канонам жанра, не обращала на него ровным счетом никакого внимания.

Дух захватывало от мысли, сколько великих открытий может сделать одаренный математик, вдохновленный взаимностью своей любви. И «Внимание» я передал этой девчонке с модной стрижкой.

Дальше пошло-поехало. «Радость», предназначенную занятому бизнесмену, я отдал девчонке лет десяти с немелко заплетенными косичками. Она выбегала из подъезда и задирала голову к окнам своей квартиры, раз за разом с надеждой высматривая, не провожает ли кто ее в школу.

Ее не провожали. И одним пасмурным утром, когда девчонке было особенно грустно, я, превратившись в ее бабушку, показавшись в окне и помахал ей. «Радость» получила она.

«Сочувствие», предназначавшееся женщине, которая возвращалась домой, таща тяжелые сумки в одной руке и сына-первоклассника в другой, я отдал пловцу, получившему травму и вынужденному уйти из спорта; «Сомнение» мне поручили передать армейскому «деду», приготовившемуся строить призывников, — я отдал его беременной девушке, решившей избавиться

ся от нерожденного ребенка; «Утешение» забрал у раздраженного водителя маршрутки и оставил строгой судье, услышавшей жуткий диагноз на приеме у онколога.

Меня больше не терзало чувство вины за то, что я отдаю пакеты не тем адресатам. Сомнений в правильности своих действий я тоже не испытывал: я был абсолютно убежден в том, что совершаю нужные поступки.

Тем большим шоком стала для меня суровость вынесенного мне наказания. Когда правда выплыла наружу, меня не просто уволили. К увольнению я, в некотором роде, был готов. Но вот полученного приговора никак не ожидал.

Я по-прежнему видел и знал, что нужно каждому человеку, но никому не мог помочь. Мне было нечего им дать, ведь на завод, отливающий чувства, я больше попасть не мог.

И я кипел праведным гневом. Меня выбросили вон! И за что? За желание сделать доброе дело, помочь тем, кто нуждался?.. Я растравливал себя мыслями о том, как несправедливо со мной обошлись. С мрачным удовольствием я примерял на себя костюм страдальца, несущего крест несправедливого наказания, и регулярно качался на волнах уныния: никому-то я не нужен, ничего-то я не стою.

Я погрузился в болото жалости к себе, и эта трясина засосала бы меня с головой, если бы не подвернувшаяся мне опора.

Этой опорой стал случайный встречный.

Не «случайный встречный», каким когда-то был я. Настоящий случайный встречный.

Я проходил мимо него день за днем — и не обращал внимания. Потому что, живя среди людей, незаметно набрался человеческих привычек и перестал смотреть на тех, кто стоял с мольбертами у решеток пропахших бензином скверов, с гитарами у мраморных колонн в метро, с протянутыми руками у влажных стен подземных переходов.

И вот один из них. Я пробежал мимо него раз за разом, пробежал не глядя. Но однажды почему-то задержался и впервые за долгое время посмотрел.

Обычный мужчина. Высокий, худощавый. Не пьяный, не мятый. Лохматый, щетина недельная. Одет, как мне сначала показалось, в старое, поношенное. Пригляделся — нет, вещи еще приличные, хотя каждая в отдельности будто с чужого плеча: слишком узкая спортивная олимпийка, строгий серый плащ великоват, черные шелковые брюки висят мешком. Кроссовки с оранжевыми галочками по бокам. На шее — широкая засаленная замшевая лямка, удерживающая большую коробку с ручкой.

«Шарманка», — сообразил я, глядя на то, как под незатейливую мелодию кружили на крышке маленькие фигурки. В другой руке мужчина держал короткие палочки, от которых тянулись тонкие нити к деревянной кукле. Одетая она была куда приличнее самого шарманщика — в джинсики и теплую зеленую курточку на синтепоновой под-

ФАНТАСТИКА

стежке. Кукла стояла, покачивая головой в такт музыкальному курлыканью шарманки, и издалека казалась самым что ни на есть обычным ребенком.

Лишь когда я подошел поближе, нашаривая в кармане мелочь, то разглядел, что одежда свободно болтается на тонком тельце-палке и у деревянного мальчишки-буратинки почти нет лица — так грубо выструганы рот, нос и глаза. На асфальте перед мужчиной не лежало ни шапки, ни коробочки, ни даже картонки. Куда бросать деньги, не ясно. «Зачем он тогда тут стоит?» — удивился я, пожал плечами и продолжил свой бесцельный путь.

Я прошел целый квартал, прежде чем понял, что впервые за долгое время чувствую себя лучше. Будто часть моих переживаний, сомнений и разочарований не то что исчезла, а стала невесомой.

С того дня я неосознанно прокладывал свой маршрут таким образом, чтобы обязательно пройти мимо шарманщика с буратинкой. И все гадал, чем же эта парочка притягивает меня.

В шарманке не было ничего необычного. Старый, истрепанный, но любовно хранимый инструмент, играющий с полдюжины мелодий; на крышке кружились одни и те же фигурки с поблекшей раскраской. Словом, ничего особенного. А вот буратинка...

Он, казалось, жил собственной жизнью, никак не зависящей от тонких ниточек, тянущихся от него к руке шарманщика. Деревянный мальчишка мог задорно постукивать по асфальту заботливо зашнурованным ботиночком под бодрый, слегка похрипывающий марш. Мог качать головой в такт тонкому треньканью колокольчиков, мог кружиться на месте, широко раскинув руки, под летучий вальс и недвижно грустить под нежную сонату. А под плачущие аккорды печальной баллады он, словно забываясь, отбегал на несколько шагов в сторону, потом неизменно спотыкался и замирал, потом поворачивал голову, таращась пустыми деревянными глазами на шарманщика, медленно подходил к нему и утыкался плохо вырезанным лицом в шелковую штанину с непроглаженной стрелкой. В такие моменты шарманщик ласково клал ладонь на деревянную макушку, затем вздрагивал и убирал руку.

Я так и не мог понять, чем притягивает меня эта странная пара, но каждый раз, когда проходил мимо шарманщика с буратинкой, неизменно ощущал, как все больше отступают от меня уныние и жалость к самому себе.

Я пытался решить загадку шарманщика с буратинкой почти две недели. Потом вдруг подумал: а как же мои способности, навыки и умения? Я ведь ни разу не пробо-

вал, с тех пор как... Правда, даже если они и остались, мне так и не довелось делать «давнего знакомого». Но я ведь бывал «попутчиком в поезде» и «курортным романом». Какой-никакой, а все же опыт — значит, справлюсь и с этим.

Подготовка заняла совсем немного времени.

Я приостановился возле шарманщика, деланно всплеснул руками и воскликнул:

— Толик, ты?

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Механические движения замерли, буратинка выжидательно уставился на меня пустыми деревянными глазами.

— Серега? — наконец растерянно отозвался шарманщик...

Мы просидели с Толиком весь вечер в какой-то чистенькой забегаловке с большими окнами, выходящими на осенний проспект. Я старательно изображал из себя бывшего одноклассника, и, кажется, у меня получалось неплохо. Куда хуже выходило другое: я не знал, с какой стороны подступиться с расспросами. Да и о чем, собственно, спрашивать?

Мы сидели за столиком в самом углу. Толик поставил шарманку на пустой стул, снял с буратинки курточку, усадил его к себе на колено. Палочки с тянущимися к ним нитями он так и не отпустил. Кукла вертела головой и ерзала, словно нетерпеливый ребенок.

Толик не был малоразговорчивым, замкнутым или угрюмым. Напротив, он охотно говорил на любые темы — хоть о погоде, хоть о политике. С удовольствием вспоминал студенческие дни, улыбался, шутил. Но как только я касался чего-либо связанного с его личной жизнью, он неизменно отделялся односложными ответами.

Иногда, разговаривая со мной, мой «давний приятель» забывался и протягивал ладонь к кукольной голове, словно хотел погладить. Потом вздрагивал и отдергивал руку. В такие моменты я испытывал непонятную неловкость и отводил взгляд.

Однако любопытство не давало мне покоя, и, после того как Толик заботливо поправил воротничок рубашки на плохо обструганной шее куклы, я не выдержал и все-таки спросил про буратинку. Толик, не поднимая головы, тихо ответил:

— Его зовут Алешка.

— Ну, Алешка так Алешка, — легко согласился я. — Толь, а Толь? Сам сделал?

— Кого?

— Буратинку, — кивнул я на куклу. Встретил Толькин взгляд и тут же поправился: — Ну, то есть Алешку.

— Сам.

— А чего тогда с мордашкой намудрил? Одел вон как хорошо, а с лицом схалтурил. — Толик промолчал и прижал куклу крепче к себе. — Зачем он тебе?

Шарманщик опять промолчал, а кукла отвернулась от меня и обняла Толика тонкими палочками-ручками.

Неловкую тишину прервало появление кудрявой белобрысой девчушки лет пяти с пломбиром в руке. Она без стеснения дернула Толика за рукав и спросила:

— Дяденька, как зовут вашего мальчика?

Толик ответил не сразу, и вышло у него хрипло:

— Алеша.

— А можно мы с Алешей немножко поиграем?

Шарманщик медленно кивнул. Девочка взяла буратинку за руку и повела к маме, беседующей по сотовому за соседним столиком.

Толик долго смотрел на детей; глубокие морщины прорезали его лоб, и он стал казаться гораздо старше, чем еще несколько минут назад. Потом достал бумажник из внутреннего кармана плаща, раскрыл его, бережно вынул фотографию и осторожно, словно хрупкую драгоценность, протянул мне. Я взглянул на нее — и вздрогнул.

С фотографии на меня смотрел буратинка. Такой, каким он мог быть, если бы грубо намеченные черты его лица выстругал талантливый мастер. И если бы буратинка был не куклой, а живым шестилетним мальчишкой.

Чувство непоправимой беды накрыло меня штормовой волной.

— Он... — начал было я — и не смог закончить.

Толик молчал. И это было именно тот случай, когда молчание говорит больше любых слов...

Девочка привела буратинку обратно к нам и вернулась к маме. Я смотрел, как деревянная кукла с плохо вырезанным лицом шестилетнего мальчишки деловито взбирается к Толику на колени, и чувствовал, что мои надуманные обиды, мелкие разочарования и жалость к себе отступают, растворяются и уходят, уступая дорогу чему-то другому. Чему-то большому, теплomu, доброму и... очень хорошо знакомому.

Я прислушался к себе — и будто какой-то переключатель щелкнул внутри. Все стало на свои места. Стало так просто и так закономерно, что оставалось только удивляться: как это я раньше не увидел? Ведь я столько носил их с собой, столько рассматривал, столько передавал. Только ни разу не получал сам. «Утешение». «Облегчение». «Надежда».

Дальше со мной случилось то, что обычно называют откровением. Если деревянная кукла, в которую простой человек вложил боль потери и нерастроченной любви, может вызвать во мне столько чувств, как же получилось, что я, существо, наделенное, по человеческим меркам, волшебными возможностями, ни разу не попытался создать чувства сам?

Почему же я так долго не понимал, что на заводе мне давали только оболочку — оболочку чувств? Пусть и не осознавая этого, но наполнял ее я. Я сам. А стоило мне услышать, что я больше не работаю «случайным встречным», не получаю чувства с завода, — и я сдался...

Как это, однако, по-людски: человек вмиг забывает о главном — о своих талантах, умениях и способностях, стоит лишь забрать у него инструменты.

Но теперь — теперь все будет по-другому. Если уж буратинка может, то я и подавно смогу. И начну прямо сейчас.

Я посмотрел на Толика. Все его чаяния, все его желания и мечты — все они были передо мной как на ладони. Я поочередно создавал «Утешение», «Облегчение», «Ра-

дость», «Поддержку». Одно за другим я грел эти чувства в ладонях, наслаждаясь легкостью, с которой они у меня появлялись. Но не то, все не то! Толик заслужил нечто большее. И кажется, я уже знал что.

Я никогда не доставлял его раньше — оно было редкостью. Потому и не знал, каково оно на ощупь, как выглядит, как передается. Но это меня не остановило.

Я все равно создал его. Создал, подержал в руках — и оставил Толику.

Чудо.

Потом земля почему-то ушла из-под ног, и мир закружился калейдоскопом уже отданных и еще не созданных чувств.

Когда я немного пришел в себя, то с удивлением обнаружил, что стою у сурового замка — завода, станки которого якобы отливают чувства. У входа, с улыбкой на лице, меня поджидал отец. Он молча распахнул двери, приглашая внутрь.

Никаких станков там, разумеется, не было. Мое внимание сразу же привлек прозрачный хрустальный паркет, под которым далеко внизу лежало широкое полотно земли. Стоило сфокусировать взгляд — и полотно, разворачиваясь, приближалось, так что можно легко увидеть любого человека. Со всеми его чаяниями, желаниями и потребностями.

Я настолько увлекся созерцанием этой картины, что не сразу понял: такой суровый снаружи, с редкими узкими бойницами, изнутри замок был пронизан светом. Я оторвал взгляд от прозрачного паркета и посмотрел на отца. Над его головой парило, излучая свет, сияющее облако. Как и над головами всех тех, кто находился сейчас внутри замка. Все они вглядывались в хрустальный паркет, создавали самые разные чувства и посылали их вниз.

Я проследил за некоторыми.

Из наполненной строгим молчанием библиотеки выбежал зевающий студент. Посмотрел, как искрится в свете вечерних фонарей первый снег, — и вдруг радостно улыбнулся...

Держа за руку внучку, усталая бабушка шла в магазин. Она как раз проходила через стиснутый многоэтажками двор, когда из распахнутого окна какой-то квартиры до нее донеслась мелодия. Бабушка остановилась и прикрыла глаза, погружаясь в музыку, — звуки старой песни вернули ее на миг в счастливые времена молодости...

Солнечный луч пробился сквозь неплотно задернутые шторы и пощекотал волосы нежащейся в кровати девушки. Она поднялась, распахнула тяжелые портьеры — и в комнату хлынуло утро. Девушка зажмурилась, подставляя лицо под волны света, — и вдруг, раскинув руки, закружилась по комнате, весело, без причины смеясь и думая о том, как же мало порой надо для счастья...

Я поднял глаза на отца.

— А для чего же тогда все эти доставки и «случайные встречи»? — обратился я к нему.

— Они для тех, кто еще не нашел свой ответ.

Я помолчал. Затем все-таки спросил:

— Значит, я нашел?

Отец не ответил, только кивнул на что-то за моей спиной.

ФАНТАСТИКА

Я обернулся — и в первый момент ничего не увидел. Только потом разглядел свое отражение в узком окне-бойнице.

У меня над головой парило облачко.

Людской поток несся мимо него день за днем, а он стоял и стоял на берегу уличной реки и крутил ручку старой шарманки, на крышке которой под незатейливую мелодию кружили маленькие фигурки с выцветшей раскраской.

Деревянный буратинка в джинсиках и теплой зеленой курточке на синтепоновой подстежке то постукивал по асфальту ботиночком под бодрый, слегка похрипывающий марш, то, широко раскинув руки, кружился на месте под летучий вальс. Иногда, словно забываясь, отбегал на несколько шагов в сторону. Потом неизменно спотыкался и замирал. Поворачивался к шарманщику, медленно возвращался и утыкался лицом в штанину с непроглаженной стрелкой. В такие моменты шарманщик ласково гладил его по макушке.

Около них останавливались. Кто-то просто смотрел, кто-то перекидывался несколькими словами с шарманщиком, кто-то — с буратинкой.

Ни один из тех прохожих не связывал свое внезапно улучшавшееся настроение с этой случайной встречей на улице — с шарманщиком и буратинкой. Ни один не знал, что именно от них он получил то, что в тот момент ему было нужнее всего, — «Сострадание», или «Ободрение», или «Утешение».

Шарманщик провожал каждого такого прохожего долгим взглядом. Потом поворачивался к буратинке и вглядывался в его деревянное лицо. Вглядывался с замиранием сердца, с нетерпением — и с готовностью ждать бесконечно.

После каждого задержавшегося подле шарманщика с буратинкой прохожего умелая рука невидимого резчика раз за разом подправляла грубо намеченные черты деревянной куклы — нос, брови, глаза. Лицо буратинки постепенно превращалось в лицо шестилетнего мальчишки.

Шарманщик верил, что настанет день, когда на глазах буратинки задрожат ресницы, на щеках появится румянец и ниточки, тянущиеся от куклы к палочке в его руках, лопнут.

А пока он крутил ручку шарманки, ждал случайных прохожих и верил в невозможное.

Верил в чудо.

